

ЛЕВ АСКЕРОВ

СМИСНЕЙ
ВАД

Лев Аскеров
С миссией в ад

«PEN-клуб»

2003

Аскеров Л.

С миссией в ад / Л. Аскеров — «PEN-клуб», 2003

«Я стучусь к вам, люди. Сделайте свою жизнь полегче. Это в ваших силах... Пожалуйста, услышьте!» – вот основная мысль, которой пронизаны все произведения Льва Аскерова. И тот же настойчивый стук, и ту же захватывающую интонацию в его повествовании вы услышите в предлагаемом вам научно-фантастическом романе «С миссией в ад».

© Аскеров Л., 2003

© PEN-клуб, 2003

Содержание

Главка первая	6
Главка вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лев Аскеров

С миссией в ад

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Главка первая Кража

1.

Это было чудом. И стоило оно жизни. Хотя обошлось в пустяк. В опаленную до мяса ладонь да прожженный камзол, надетый им сегодня в первый раз... А заметь кто, как он тащит из костра бумаги да закидывает их под одежды, кондотьеры Ватикана не дали бы ему и охнуть. В лучшем случае, придушили бы до бесчувствия и тотчас же, вместо полена, закинули бы к уже охваченному огнем Ноланцу. В худшем же – как нотарию Святой инквизиции, оказавшегося пособником поганого еретика, уволокли бы в подземелье. В свинцовую камеру. Для дознания. А потом на глазах жадного до зрелищ пополо, сожгли бы...

Нет, нотариус Доменико Тополино на такое не рассчитывал. Он согласен был на то, чтобы огонь поджарил ему и другую ладонь или дотла бы сжег моднейшую обнову, лишь бы никто не увидел, что он делает. Согласен был Доменико пожертвовать еще чем-нибудь из одежды и частей тела. Но мысли отказаться от своей рискованной затеи – не допускал.

Это было выше его сил. Ему до смерти хотелось заглянуть в те бумаги, что с особым тщанием ото всех скрывали вершащие суд над Ноланцем – кардинал Роберто Беллармино и епископ-прокуратор Себастьяно Вазари.

Эту стопку уже потрепанных листов, обвязанных розовой лентой, кардинал не выпускал из рук. И не спускал с нее глаз. Даже после допросов Ноланца всегда забирал с собой. Хотя все, что касалось так называемых доказательств, как положено и, как обычно, оставлялось на судейском столе. И принадлежащие обвиняемому рукописи, и книги, адресованные Ноланцу, и писанные им самим, письма, и всех размеров трубы с линзами, через которые он наблюдал за ночными светилами, и замысловатые чертежи, и небесные карты, исполненные рукой Ноланца, и многое другое, вплоть до тряпки, которой он протирал приборы и стекла в своей обсерватории.

Оставлялось все, а вот эта, кокетливо опоясанная розовой лентой, объемистая кипа бумаг, исписанная почерком Ноланца, уплывала из комнаты. Именно уплывала.

Покидавшие залу судьи уходили, по-утиному ковыляя за Его высокопреосвященством кардиналом Беллармино. Сейчас он, вожак птичьей стаи, нырнет в струящиеся на дверях голубые портьеры и за ним, один за другим, бултыхнутся в них и исчезнут остальные.

В руках косолапящего селезнем Его преосвященства мелькает та таинственная пачка бумаг. Свисающие от нее два конца розовой ленты развеваются в такт походки кардинала и напоминают Доменико юбку уличной красотки, что зазывно раскачивает бедрами...

– Тополино! Что застыл?! Принимайся за работу! – пискляво и нервно крикнул ему, усевшийся в кресло председателя, канцелярщик Паскуале.

Голос его, как у всех горбунов, был тонок и вреден. А с кардинальского места становился еще более визгливым и злючим. Наверное, потому, что удобно устроиться в столь солидном кресле ему мешал горб. Пока Паскуале усаживался в нем, он долго ерзал, изо всех сил сучил ногами и, конечно, злобился. А скорее всего, канцелярщику казалось, что в издаваемых им мерзейших выкриках был тон непререкаемой властности, которая заставляет людей вести себя по-собачьи. Юлить и выполнять любую прихоть.

Что-что, а горбун покомандовать любил. И, пожалуй, лучшими минутами его жизни были те, когда кончалось судебное заседание и вся полнота власти переходила к нему. В это время

на канцелярщика работало с десятков монахов и стражников, следящих за тем, чтобы никто из посторонних не вошел сюда и, боже упаси, не выкрал что-либо, уличающее обвиняемого.

Нотарии должны были составить опись всего, что здесь оставалось, привести в порядок допросные листы, которые они вели во время слушания дела, набело, с каллиграфическим тщанием, переписать текст приговора, если это было заключительным заседанием, и сдать канцелярщику. А Паскуале, с приданной ему командой, переносил всё в специальное хранилище, которое запирали на несколько хитроумных замков и ставил перед дверью охрану. Связку ключей, позвякивающих на массивной цепи, он накидывал на шею и прятал за пазуху. Этого Паскуале казалось мало. И он взял за правило подглядывать за тем, как поставленные им у дверей хранилища кондотьеры несут службу. Появлялся он неожиданно и обычно под самое утро, когда сон мог свалить с ног и слона. Многие из наемников, поставленные часовыми, поплатились за то, что позволили себе сесть или, прислонившись к стене, прикрыть глаза.

Кондотьеры и монахи боялись горбуна аки дьявола. Паскуале помыкал ими по-чёрному. Иногда, увлекшись, повышал голос и на нотариюв. Но, спохватившись, мгновенно менял свой невольный вырвавшийся окрик на скулеж, который следовало понимать как извинение.

Нотарии канцелярщику не подчинялись. Бывало, зарвавшийся горбун получал от них такой букет оскорблений отчего Паскуале становилось дурно и он заболел. Ведь нотариюв всегда сидят возле сильных мира сего и запросто, чуть ли не на равных, переговариваются с ними. Их вызывают даже к папе. И папа к ним относится весьма благосклонно. Одно их каверзное словечко, и его вышвырнут со службы Святой Инквизиции, как шелудивого пса. И всё. Кончатся для него заискивающие взгляды знакомых и мало знакомых людей. Сейчас они ловят его внимание, чтобы подбежать поздороваться, припасть к руке, чем-нибудь угодить, одарить. А потеряй он место... От одной этой мысли его прямо-таки выташнивало. Те же самые люди принародно станут бранить его. Смеяться над его уродством. Бросаться тухлыми яйцами. Выливать из окон ему на голову помои... Такого Паскуале боялся хуже смерти. Через это он уже проходил...

Как он ненавидел этих, унижавших его тварей, считавших себя людьми! Поэтому с нотариювами, и с теми, от кого зависело его пребывание в Суде Святой Инквизиции, горбун держался с подобострастием. Но натура есть натура.

Стоило лишь кому-либо из тех, перед кем он лебезил и унижался, попасть в немилость, Паскуале преображался. Причем открыто. И всегда в его тайниках злопамятства находился тот или иной убийственно ехидный фактик, о котором, истоществуя, и, брызжа слюной в лицо опального, он громогласно сообщал судейским магистрам. Те, конечно, с благосклонностью принимали выпад горбуна. И паскудство его называли прямодушием честного христианина.

Так канцелярщик и ходил в кургузой тоге «боголюбивого чада». Однако это его мало радовало. Звериное чутье подсказывало, что всемогущие магистры Святой Инквизиции относятся к нему с хорошо скрываеваемой неприязнью. И причиной тому была не наружность его, а та самая пресловутая искренность, что губила отнюдь не плохих людей. Не раз Паскуале ежил под их полными омерзения к нему взглядами. И еще канцелярщик хорошо знал, что слава о нем, как о правдивом и нелицемерном христианине – штука не надежная. В любой момент безжалостный дознаватель Джузеппе Кордини сорвет с него хваленое облачение правдолюбца и всласть поизмывает над его кривой плотью.

2.

Джузеппе – на редкость тупая скотина с тяжеленными руками, вырубленными Создателем из каменных могильных плит. И шутки у него были палаческими. Бывало, дожидаясь, когда очередная из жертв его придет в чувство, он плотоядно, глядя на канцелярщика, просил:

– Синьоры, судьи! Отдайте мне Паскуале. Я хороший лекарь... Живо разотру его горбушку.

Говорил и жутко хохотал, вздымая к низким сводам потолка мощные и страшные кулачища. И стоило кому-нибудь из них снисходительно кивнуть, Джузеппе сделал бы свое дело. И сделал бы под равнодушные и отсутствующие улыбки этих сумрачных и таких же по могильному каменных преосвященств.

И Паскуале смотрел на них, как на богов. Лез из кожи вон, чтобы выполнить любое, самое дикое приказание, отданное ими. Их благосклонность стоила того. А сегодня, только сейчас, сам кардинал Роберто Беллармино, ни словом, ни жестом не опускавшийся до низших чинов, покидая зал, неожиданно сказал:

– Нотария вместе с Паскуале я жду у себя... Через час.

Это же надо! Роберто Беллармино, друг и фаворит папы, назвал его, ничтожного канцелярщика, по имени и пригласил к себе. Разве можно было такого человека заставлять ждать?

– Тополино! – снова властно взвизгнул канцелярщик.

И глаза нотарию, окаменевшие на «утях», исчезающих в ниспадающей голубизне портьер, наконец-таки осветились вернувшимся сознанием.

Зал был пуст. Поглощенный проводами не столько состава судей, сколько тех таинственных бумаг, что Его высокопреосвященство кардинал Беллармино держал в руке, Доменико не слышал и не видел, как кондотьеры увели приговоренного. Тот, очевидно, не сопротивлялся и, в отличие от других, услышавших страшный вердикт, истерично не вопил, мол, не еретик я и никогда в никаких связях с дьяволом не состоял...

И вообще, Ноланец вел себя не так, как другие. Был спокоен и даже как будто отстранен от всего рокового действия, имеющего к нему самое прямое отношение. Страшных следов пыток, как Доменико не вглядывался, он на нем не обнаруживал. Это было странным. Ведь Джузеппе работал с ним «как надо».

«Каналья, – думал нотарию, – большой мастер ломать кости». Но Ноланец свободно двигал руками и ногами. Единственное, что бросалось в глаза, так это печать мертвеца, оставленная на нем свинцовой камерой, куда Ноланца втокнули еще пять лет назад. Она, та печать смерти, вдавила к спине грудь, а лицо и тело окрасило в зеленовато-желтый цвет. Иногда Ноланец закашливался и на губах его вспенивалась кровь.

Теперь ему в той свинцовой камере, оставалось провести кусочек этого дня и последнюю ночь своей жизни...

И все-таки он выглядел лучше, чем в тот первый день, когда его привезли из Венеции. Стражи папского легата по пути в Рим едва не убили его.

...Они брали Ноланца поздней ночью. Тот пребывал в безмятежном сне в одной из спален своего закадычного друга по монашескому ордену. Брали с шумом невероятным. Взломали массивные двери, за которыми он находился, и которые, кстати, были не заперты. Прикладами мушкетов вдребезги расколотили роскошное напольное зеркало из венецианского стекла. Опрокинули, и сапожищами растоптали, инкрустированное золотом и перламутром, бюро. Тяжеленные бронзовые канделябры вылетели в окна и вместе с осколками стекол попадали на мостовую. Из соседних домов на улицу повыскакивали перепуганные люди.

– Рогоносцы! – сверкая глазами из выбитого окна, орал на них сверху дебелый капрал. – Убирайтесь отсюда! Нечего пялиться! Мы взяли еретика!

Ноланцу, когда его вытряхивали из постели, а затем в карете, по дороге в Ватикан, били смертным боем, все время казалось, что он продолжает спать и ему видится жуткий сон. И все, как во сне. То ли все это происходило с ним, то ли с кем-то другим. А он смотрел со стороны. Наверное, все-таки, не с ним. Иначе бы он чувствовал бы боль. А он не то что боль, самого себя не ощущал и не слышал... Тот человек, которого сейчас на его глазах тащили вниз по

лестнице и, который затылком гулко пересчитывал каждую гранитную ступеньку, всего лишь навсего похож на него.

«Случись такое со мной, – думал Ноланец, – раскололась бы моя макушка, как гнилая тыква».

Потом он видел, как кондотьеры, держа за руки и за ноги того, с виду похожего на него бедолагу, раскачали и закинули в косоротый зев черной кареты. И слышал он, как они топтали его. И тело того человека стонало и хрустело точь-в-точь как то инкрустированное золотом и перламутром бюро, что солдаты давили тяжелыми ступнями ног...

В общем, все, как бывает в кошмарных сновидениях.

«О, Часовщик, где ты? Пробуди!» – просил он, пытаясь закрыть глаза, чтобы не видеть корчащегося и окровавленного лица своего и вздрагивающего от конвульсий тела.

И видения исчезли. И Ноланец, испытывая неземное блаженство, покачиваясь поплыл в нежнейшем эфире небес. И полный любви ласковый голос пел ему колыбельную песню...

И вдруг опять все стихло. Как оборвалось. И стало жутко. Как и прежде. И камнем полетел он вниз. И от удара оземь он открыл глаза. И в замутненном от слез свете солнца он снова увидел солдат и черную карету с косоротым зевом кузова. И еще он увидел над собой папу. Его дородная фигура, облаченная сутаной чадного дыма, заслонила Ноланца от солнца. И он, вздохнув, сказал:

– Не к добру ты снишься мне, Ваше Святейшество Климент восьмой...

Сказал и снова взмыл вверх, в божественную негу небес. И опять увидел он свое бездыханное тело. И папу увидел. И свиту его. И солдат, истязавших того, похожего на него, бедолагу. И видел черную карету. И равнодушные морды пегих лошадей...

И его, Ноланца, как и лошадей, все это нисколько не трогало. Нисколько не интересовало. Ему наплевать было на то, что говорил папа. А он что-то говорил. Верней, выкрикивал. И кажется, о бесах, что вселились в солдат... Резкий голос его ухал в голове Ноланца утробным гулом великого Везувия. И был папа звонарем, изнутри молотившим его очугуневшую голову невнятными тяжелыми словами...

«Интересно, – думал Ноланец, – а колокол слышит, что выбивает из него звонарь? Или ему также больно?..»

3.

Папа был разгневан. Мертвый Ноланец церкви был ни к чему.

И кондотьеры, сопровождавшие еретика, поплатились за непомерное усердие. Их сначала бросили в темницу, а немного погодя освободили с предписанием Его святейшества: *«без права нанимать на военную службу во всем христианском мире»*.

Но вряд ли кто позарился бы теперь на столь жалкий товар. То, что от них осталось, ничего, кроме сострадания, не вызывало.

За ворота тюрьмы на выпавший снег вышло четверо изможденных калек. Двое, со здоровыми конечностями и с явной внутренней немочью, тащили на себе стонущего капрала. Сил удерживать в руках своего товарища у них не было. И перехватывая его, они то и дело цеплялись за раздробленные лодыжки капрала. Это доставляло ему страшную боль. Осипшим от долгих криков голосом, капрал умолял их остановиться. Они рады были бы перевести дух, да в спины толкал выпроваживавший их отсюда костолом – Джузеппе. И не было надежды на четвертого своего товарища. Опираясь на «Т»-образную палку, он скакал впереди них. Свободная, правая, – безжизненно болталась вдоль туловища и при каждом подскоке моталась в разные стороны...

Джузеппе, угрожающе и зычно понукая, подгонял их, дожидаясь, когда они перейдут на другую сторону улицы и скроются за первым же домом.

Это он выбивал из кондотьеров вселившихся бесов. И работой своей был доволен. Сам говорил об этом. Не во всеуслышание, конечно, и не всем. Для этого дознаватель слишком уж был скуп на слово. Ни с кем практически не общался. Во всяком случае, Тополино не приходилось видеть, чтобы он с кем-либо задерживался поговорить. Тем более надолго. И с ним так просто никто не заговаривал. Скорей всего, из-за вечно сердитой мины на лице. А тут... Тополино отказывался верить своим ушам.

Нотарий запомнил этот случайно подслушанный им разговор на всю жизнь. Очень уж он был необычным. И совсем не тем, что свирепый костолом побежал к Ноланцу рассказать о разжалованных и отпущенных на все четыре стороны кондотьерах. Хотя Джузеппе и еретик-Ноланец... Поразительно!

Из тюремной лекарской, где лежал выздоравливающий Ноланец, доносился густой и на редкость сердечный говорок дознавателя. Тополино невольно бросил взгляд к потолку. Там, почти у самого стыка, находилось потайное слуховое оконце. И сидя здесь, в служебной конторке, примыкающей к комнатке лекаря, можно было слышать все, что говорилось в камере больного узника. Джузеппе знал об этом окошке. Как, впрочем, и весь персонал тюрьмы. Таких хитрых комнаток по всей тюрьме было с десяток. Между собой тюремщики и заключенные называли их «сучьими», а монахов, дежуривших в них, «сукиными детьми».

Джузеппе был уверен, что в ней никого нет. Он проверял. Перед тем как подняться к Ноланцу, дознаватель видел замок на двери «сучьей». На всякий случай он подергал его, заглянул в щель. Убедившись, что «сучья» пуста, он уверенно направился к Ноланцу.

Но откуда было ему знать, что в это время у нотариуса Доменико Тополино, работавшего в судейских апартаментах, кончатся чернила. А бутылка с запасом чернил для нужд писарей как раз хранилась в «сучьей». И Тополино не долго думая бросился к одному из «сукиных детей».

– Дайте, пожалуйста, ключ от вашей комнаты, что в лекарской. Чернила кончились, – попросил он дремавшего монаха.

– Хитрец, – сказал добродушно «сукин сын» и стал лениво перебирать увесистую связку, едва помещавшуюся у него на ладони.

К счастью, он ему был не нужен. Монаху предстояло дежурить в другой «сучьей». И отвязав из связки, он охотно отдал ключ вежливому нотарию. И Доменико, собрав бумаги, пошел в лекарскую. Там можно было набрать чернил и спокойно поработать. Почти все нотариусы любили там работать. Вот почему монах проворчал: «Хитрец...»

Здесь никто не мешал. Никто не хлопал дверьми. Ниоткуда не сквозило. И не надо было вскакивать, чтобы каждому вошедшему говорить «здравствуйте, синьор!», а уходившему – «до свидания, синьор!»

Собираясь в тюремную лекарскую, Доменико поймал себя на том, что он как будто когда-то уже все эти движения проделывал...

«Сейчас рассыпятся бумаги», – подумал он.

И действительно, выскользнув из рук, они разлетелись в разные стороны.

«Сейчас распахнется дверь, – думал нотариус, – он резко поднимет голову, и запроващенное за ухо перо чудным образом залезет ему за шиворот».

Так оно и случилось...

Тополино с недоумением посмотрел вокруг и пожал плечами.

4.

Разложив на столе бумаги, Тополино потянулся за бутылкой. И тут кто-то невидимый, голосом Джузеппе, позвал:

– Джорди!.. Джорди!.. Проснись!.. Это я.

От неожиданности Доменико вздрогнул и отдернул руку от чернил, словно прикоснулся ею к раскаленной печи.

– Я не сплю, Джузи, – отозвался шопотом другой голос.

И голос тот принадлежал Ноланцу. Он-то и пригвоздил нотарию к табурету. Разинув от удивления рот Доменико смотрел наверх. Оттуда доносился характерный говорок дознавателя. И звучал он не похоже на Джузеппе ласковым рокотом. Сердечно. Тепло.

Я их выпроводил, Джорди, – сообщил он.

– Кого?

– Твоих мучителей... Теперь им лучше не жить... Наказал я их. Хорошо наказал.

Джузеппе ожидал от Ноланца похвалы. А тот, словно что-то припоминая или вычитывая, произнёс:

– Подумай, прежде чем наказывать или творить добро. И если задумался, не делай ни того, ни другого. Не твое то право. Но право Бога нашего. И если ты это сделаешь, обдумав – ты хуже слепца. Ибо слепец не ступит шага, если не уверен...

– В святом писании такого нет.

– Переверали наши священники Библию.

– Не богохульствуй! – остерег Ноланца дознаватель.

– Брат мой, Джузи, худшее из богохульств – это вера в ложную истину. Правда от церкви – церковная правда. Но Божья ли она?!.. Ты не задумывался?

– Не говори так, Джорди, – взмолился Джузеппе.

Ноланец хмыкнул. Тополино слышал хмык и представил себе усмешку на лице узника. Однако не видел он, как Ноланец, обняв за громадные плечи дознавателя, с еще большей страстью продолжил:

– Божий мир велик. Его величия – не представить, не объять умом. И наша вселенная – не центр мироздания. И человек – не пуп миров...

– И Бог с ними, – и чтобы остановить распалившегося узника, громким шепотом произносит:

– Я принес тебе письмецо.

– Тетка Альфонсина? – предположил он.

– Нет. Мать, как узнала о тебе, – слегла.

– Неужели Антония?

– Да от герцогини Антонии Борджиа.

– Дай, – требует Ноланец и спрашивает:

– Она здесь?! В Риме?!

– Ее вызвали в Ватикан. Поговаривают, из-за тебя. Она приехала два дня назад в сопровождении папского легата в Венеции Роберто Беллармино.

– Робертино ее кузен, – рассеяно проронил Ноланец, разворачивая письмо.

– Да ну!.. Вот это да!.. – воскликнул дознаватель.

Тополино сразу понял, почему так удивился Джузеппе. По Риму шли упорные слухи о том, что легат Беллармино – друг папы и родич венецианского дожа – за поимку Ноланца отозван в Ватикан, чтобы произвести его в кардиналы. Судачили и о герцогине Антонии Борджиа. Будто бы она состояла в интимных связях с Ноланцем, покрывала его богопротивные дела и несколько лет тому назад помогла скрыться от папских кондотьеров, прибывших схватить его. Теперь, по словам всезнающих римлян, ее доставили сюда обманом, чтобы в суде Святой инквизиции подвергнуть допросу с пристрастием.

Но ни Тополино, ни Джузеппе, как, впрочем, и многие другие, не знали, что Беллармино и Антония Борджиа – кузены. И не знали, что они в родстве с дожем Венеции. Один – племянник со стороны сестры, а другая – внучка двоюродного брата, почившего в бозе папы Алек-

сандра шестого, в миру Родриго Борджиа, вышедшая замуж за герцога Тосканы Козимо деи Медичи.

Поразмыслив, Тополино решил помалкивать об этом. Не может быть, чтобы папа не знал. И какое Доменико дело до того, кто кому родня? Сильные мира сего слышат только то, что им хочется слышать. А за неугодное слуху своему могут покарать. И потом, он, Тополино, – не сукин сын и не доносчик.

От размышлений Доменико отвлек вырвавшийся из гортани Ноланца не то выкрик, не то стон.

– Канальи! Вот чего они хотят!

Тополино слышал, как он рвал бумагу. Потом услышал, как тот вскочил с постели и нервно засновал по комнатушке.

– Они, – после недолгой паузы зарычал Ноланец, – они хотят мои рукописи... Понимаешь, Джузи, рукописи... Они у Антонии.

– Пусть не отдает, – вырвалось у дознавателя.

– Не отдает... Не отдает... Хорошо говорить. Так они ставят условие. Если она предоставит их, ее не привлекут к допросам с пристрастием, а мне смягчат приговор...

– Так пусть отдает! – живо откликается Джузеппе.

Наступило долгое молчание. Нотарий напряг слух. Ни звука. Лишь нервные шаги Ноланца.

5.

– Я не хочу, чтобы она страдала, – наконец проговорил он, а потом добавил:

– Это дело рук корыстного брата Антонии – пакостника Беллармино.

Сказал и надолго умолк. Слышно было, как под ерзающим Джузеппе кряхтит табурет. Терпение его было на исходе. И тут глухой голос Ноланца положил ему конец.

– Не сделай этого, они отдадут ее на пытки... Отдадут... Папа не страшен. Он скоро помрет... Но до того момента, как он провалится в преисподнюю, пройдет время. Правда немного времени. Но достаточно, чтобы истерзать бедняжку... Пострашнее ее братец, – размышлял вслух Ноланец. – За кардинальскую мантию и золото он удавит маму родную... Надо обыграть время.

Ноланец умолк опять. Скрипнула кровать. «Сел», – догадался Доменико.

– Итак, Джузи, – приняв окончательное решение, говорит он, – передай Антонии – я согласен. Что касается меня – пусть никому не верит. Ее обманут. Моя участь предreshена... Впрочем, этого ей не говори.

– Хорошо...

– Хотя, – спохватился он, – Антония тебя прогонит, если ты не скажешь условленной между нами фразы. Запомни ее: «И сказал Часовщик словами Спасителя: „Я судья царства небесного, но не судья царству небесному“.

– Да что там, запомню, – угрюмо пробурчал дознаватель и, тем не менее, повторил.

И повторил дважды. Уж очень не обычны были слова эти.

– Знай, брат, лишь услышав эту фразу, она поверит тебе. Иначе... Умрет, но...

– Джорди, а Часовщик, кто он?

– Долго объяснять... В общем, один наш с Антонией знакомый.

– Джорди, с чего ты взял, что тебе не сделают послабки? И не отпустят с миром? – спросил дознаватель.

– Когда в их руках окажутся мои дневники они захотят меня стереть с лица земли.

– Что в них?

– Сплошное святотатство, – усмехнулся он и твёрдо добавил:

– По их разумению.

– Ты богоотступник, брат... – с ужасом выдавил Джузеппе.

– Нет, конечно. Я верую и знаю – Он есть. Чем больше наблюдаешь жизнь и чем больше знаешь тем больше веруешь в могучую силу небес. Тем больше чувствуешь себя невежественным, беспомощным ничтожеством... Я не могу верить в их Бога. Они выдумали его.

– Джорди, ты был самым умным из нас. Помнишь, что говорила тебе моя матушка Альфонсина? „Либо ты станешь понтификом, либо...“

– Либо сойду с ума! – перебил дознавателя Ноланец. – У Альфонсины всегда жил царь в голове. Я, как видишь, не стал первосвященником. И слава Богу! Но я и не спятил... А тебе твоя матушка напророчила точно. Помнишь?..

Джузеппе, очевидно, замотал головой.

– Ну как же?! Тебе ребята пожаловались на Пьетро Манарди и ты чуть до смерти не забил его.

– Он обворовал семью Тони. Он у всех крал... Пьетро был старше нас. Выше всех на целую голову. Я помню, как свалил Пьетро с ног, а потом мне помогли связать его. Я устроил ему суд. Это я помню. А чтобы мать мне что-то предсказывала – не припоминаю.

– Вот те на! – искренне возмутился Ноланец. – Она назвала тебя „сиракузским бычком“ и говорила: „Не суди, сынок, да не судим будешь“. А ты все талдычил, что поступил по справедливости.

– Правильно! – подтвердил Джузеппе.

– Вот-вот!.. И тогда она махнула рукой, обернулась ко мне и сказала: „Помяните, люди, слова мои. Из этого сиракузского бычка вырастет Его величество король эшафота“...

– Врешь ты, Джорди... – вяло отнекивался дознаватель, а затем с воодушевлением проговорил:

– Зато ты был ленивым. Всегда отлынивал от работы.

– Я зачитывался книгами...

– Ха! Ха! – выкрикнул он. – За лень твою она тебя называла „азиатским мулом“.

– А она тебя била моими портками! – ввернул Ноланец.

Там, наверху, два взрослых человека, один ученый муж и узник, а другой известный в христианском мире заплечных дел мастер и тюремщик первого, забыв обо всем на свете, вспоминали свое детство. Они впали в ребячество. Подтрунивали друг над другом. Беззлобно обзывались. Смеялись. Толкались...

„Люди, – думал нотариус, – будь они и преклонных лет – всегда люди.“

Доменико удивлялся дознавателю. Сумрачный, холодный и тяжелый, как замшелый надгробный камень, Джузеппе звенел, что венецианское стекло – светло и распевно.

Ноланца Тополино не знал. Видел всего один раз. В той самой же комнатухе, где записывал его беседу с епископом Вазари. Тогда Ноланец, остановив взгляд на нотариусе, сказал:

– Лицо твое мне знакомо.

Сказал и, устало смежив, черные от побоев, веки, кажется, что-то ворошил в своей больной памяти.

– А-а-а! – протянул он и, не открывая глаз, произнес:

– У Часовщика... Он показал тебя.

На какой-то миг Доменико померещилось, что Ноланец ему тоже знаком. Он видел его. Раньше. Но где? Когда?!.. Он хотел было сказать, мол, и ваша внешность мне знакома. Но тряхнув головой, как бы освобождаясь от наваждения, Тополино, вместо готовой сорваться из уст его нелепицы, произнес совсем другое.

– Ваше преосвященство, Ноланец бредит.

Вазари согласно кивнул и со словами епископа – „До лучших времен“ – они вышли.

6.

Та бредовая реплика, оброненная узником, врезалась в память нотарию. Наверное, из-за ее несуразности... Постепенно она стала забываться. И вот на тебе! Она вспыхнула в мозгу, как зарница в черном небе...

Ноланец теперь в добром здравии. И снова он о загадочном Часовщике чьи занятные слова должны были убедить герцогиню Борджиа. „Странно все это, – думал Доменико, – хотя с головой у меня все в порядке.“

Однако, голос узника ему все же приходилось слышать. Точно слышал. И эти мягкие, коричневого бархата глаза, и высокий лоб с тремя, вырезанными на нем возрастом, глубокими волнистыми линиями, и теплую виноватую улыбку – нотарию некогда приходилось видеть. Прямо перед собой. То ли узник стоял склонившись над ним, то ли они сидели друг перед другом и беседовали... И похоже, то было во сне.

Именно беседовали. Правда, недолго. „Стоп!.. Стоп!.. – приказал он себе. – Когда?.. Где?..“ Доменико, как не силился, вспомнить не мог. Это его так заняло, что самую сногсшибательную информацию, за какую любой „сукин сын“ получил бы пригоршню золотых, он отбросил от себя, как ненужную.

Отбросить то отбросил, но запомнил. Ведь вряд ли кто в Ватикане знал о том, что Ноланец и Джузеппе Кордини – родня. Двоюродные братья. А из их разговора было видно, что они давно не виделись. По крайней мере, лет двадцать. Они спешили наговориться. И, как дети, радовались своему общению...

Как понял нотариус, Джузеппе родился и жил сначала в Ноле, а когда ему стукнуло пятнадцать, он ушел на заработки и осел в Риме...

– Хорошо, Джорди, – сказал костолом, – „азиатский мул“ – понятно. А вот почему „сиракузский бычок“?..

– Не знаю, – ответил Ноланец. – Но как бы там ни было, а предсказание тетки Альфонсины в отношении тебя сбылись...

– С тобой она тоже оказалась правой.

– Почему?

– Ты наверняка бы стал первосвященником... Вон какие книги написал! Да вот бес, видимо, попутал. Рехнулся... Против церкви и Бога пошел...

– Против церкви – да! – согласился узник. – Но не против Бога. Господь учит жизнью, а церковники – словом. А слово – от лукавого. Оно лишь отражение образа правды. Но не правда!.. Ибо кто кроме Него может судить?! Кто кроме Него может сказать ее?!.. Никто!.. Понтифика устраивают догмы невежд. Понтифику претит наука. Хотя наука – одна из дорог к Господу нашему...

– Папа – наместник Бога на земле, – перебивает еретика дознаватель.

– Брось, Джузи! – отмахнулся Ноланец. – Подумай, веришь ли ты в Божье рукоположение на это ничтожество?! Он присваивает себе это право.

– Замолчи, Джорди! – кричит Джузеппе. – Ты свихнулся от книжных наук...

Ноланец громко, по деревянному хохочет.

– А знаешь что сказал настоящий Наместник, которого мы называем Спасителем?.. Он сказал слова от Господа нашего, вдохнувшего в души людские жизнь. И были они такими...

Хотя нотариус сидел далеко от двух спорящих между собой братьев, он отчетливо представил себе, как Ноланец, прикрыв глаза, и, приложив дрожащие персты ко лбу, напрягая память, говорит:

„Я отпускаю каждому меру своего времени, даю ощущение самих себя и всего, что окружает вас. Но не даю понимание самих себя и всего созданного Мною. Ищите себя. И вы придете ко Мне.“

– Ересь!.. Ересь!.. – взвился дознаватель.

Ноланец, однако, пропуская мимо ушей, напитанные ужасом возгласы брата, продолжал:

– Это сказал настоящий Наместник. И он есть. И рукоположен он Господом нашим...

Со дня жития нашего.

– Страшна твоя ересь, брат! Ты богоотступник, потому что не веришь в святое писание, – в смятении лепечет Джузеппе.

– Что такое вера, Джузи?.. Она проста как вода. Как воздух. И покоится она на двух вещах. Первое – „Бог есть!“ Второе – „Есть Божий суд!“ А когда начинают объяснять каков наш Бог и чему Он нас учит... Тут уже религия. Она от лукавых святош... Да будет тебе известно, что идолы, сотворенные нами – папы, дожи, короли и смутьяны – мечтают, чтобы их паства и подданные думали одинаково. Так, как хочется им.

Ноланец перевел дух.

– Эти слова, кстати, принадлежат не мне, а Часовщику, Часовщику мира земного...

– Ты с ума сошел, Джорди... Опять Часовщик!.. Сатана, что ли?!..

– Нет сатаны, брат мой возлюбленный, – тихо, с терпеливостью мудрого учителя проговорил он и также негромко, вкладывая в каждое слово могучую силу внушения, продолжил:

– Над всем сущим – один Всевышний. Я это знаю потому, что все это видел. И потому, что прожил не одну жизнь... Это говорю я – Джордано Бруно из Нолы...

– Знаю... – начал было Джузеппе, но властный голос Ноланца осадил его.

– Не перебивай! Я разговариваю не с тобой. Я говорю Слушающему нас... Ты сейчас уйдешь, юноша. У тебя будут мои бумаги. Сохрани и донеси их...

– Джорди! Джорди!.. Что с тобой? Мы с тобой здесь одни, – бросившись к узнику, стал успокаивать его Джузеппе.

– Нет, не одни, – отбиваясь от крепких рук брата, выдохнул Ноланец.

„Неужели, – подумал нотариус, – там еще кто есть?“ И в это время он услышал, как кто-то с вороватой осторожностью открывал наружную дверь, которую он непредусмотрительно оставил не запертой. В приоткрытую щель просунулась острая рожица Паскуале.

– Закройте дверь, Паскуале! – потребовал он. – Вы мешаєте мне.

А горбун, словно не слыша, шел уже по коридору, приближаясь к „сучьей комнате“. Он шаркал кривыми ногами и вертел лисьим носом. Нет. Его сюда ни в коем случае допускать было нельзя. Тополино быстро собрав бумаги, вышел навстречу горбуну.

– Я писал секретные допросные листы прокуратора Вазари. Мне придется доложить ему, что вы помешали... Вам хотелось в них заглянуть? – прижимая к себе бумаги, он гордо продефилировал мимо канцелярщика.

Удар был что надо. Горбун вздрогнул и собачкой засеменял за нотариусом.

– Доменико, ну что ты?.. Я хотел просто проверить... Может кто посторонний...

– Ах, проверить?! – не дав договорить, перебил его Тополино. – Ты, стало быть, получил такое право?

Канцелярщик задохнулся от страха быть неправильно понятым. И уже на улице, не давая прохода нотариусу, умолял ничего не рассказывать прокуратору Вазари. Уже входя в судейские апартаменты, Тополино наконец „сжалился“ над калекой.

– Хорошо. Ничего не скажу. Только когда тебя просят выйти... Тем более нотариус... Изволь слушать, – не без назидательных ноток изрек Доменико.

Благодарный Паскуале по-собачьи лизнул нотариусу руку и еще какое-то время, назойливо поскуливая, продолжал юлить у его ног.

Как он исчез – Доменико не заметил. Его, собственно, это не интересовало. Его занимало совсем другое. Кто, помимо него, мог там находиться? Кто-то третий? Откуда он мог взяться?.. Будь он там, дознаватель, который пришел раньше, заметил бы его. Да и, судя по всему, Нола-нец тоже не видел его. Он не стал бы говорить о нем, как о „Слушающем“. Хотя именно он, Бруно, назвал того неизвестного „юношей“.

Сомнения истерзали нотарию. Не давали сосредоточиться. Перо висело над бумагой так и не коснувшись ее. Нервно отодвинув ворох листов в сторону, Доменико вышел в холодный холл. Не помогло. Неотвязно, как назойливая муха, вертелось одно и то же: „Кто?“

Прислонившись к одной из колонн, Доменико попытался восстановить в памяти все детали происшедшего... Уличная дверь в лекарскую была заперта... Он вставил ключ... А отпирал ли?.. Нотарий зажмурился, чтобы вызвать в себе реальную картину того момента... И в это самое время кто-то, тяжело ступая, поравнялся с колонной, за которой стоял Тополино, и скрежеща зубами, явственно пробормотал: „Какой „сукин сын“?“

То был дознаватель Джузеппе. По-бычьему вперившись в двери судейского зала, костолом шел на них, выщепив одно и то же: „Какой „сукин сын“?“. Нотарий слышал эту грозную фразу так же ясно, как и свое оборвавшееся от страха сердце. И он понял: Джузеппе ищет здесь монахов, распорядившихся подслушивающими комнатами. Именно их. Потому что Доменико сейчас только с ужасом вспомнил, что в спешке забыл запереть дверь „сучьей“... А главное, понял другое. Кроме него, нотарию Тополино, в лекарской никого не было. И речь шла о нем. И именно к нему обращался с просьбой знаменитый Джордано Бруно из Нолы.

Позже Тополино ловил на себе испытующие взгляды Джузеппе. Страшны были глаза его. И ничего хорошего не сулящее – его молчание...

Конечно же он отыскал дежурившего в тот день монаха...

7.

Старательно, с каллиграфической искусностью, нотарию выписал последнюю строчку приговора:

„По возможности милосердно и без пролития крови“.

„Вот и всё, – сказал он себе. – Завтра пылать костру“, – и с невероятным усилием, словно поднимая увязшую в грязи повозку, выпрямил спину. Потом снова, обмакнув перо, не меняя позы, с тем же тщанием вывел:

„Прокуратор Святой Инквизиции, Его преосвященство епископ Себастьяно Вазари“

До приема кардиналом Беллармино времени оставалось немного, но достаточно для того, чтобы дать на подпись набело переписанный приговор.

– Паскуале, я к епископу. Скоро буду, – отодвигая стул, сказал он.

Вазари нотарию не задержал. Бегло пробежав по написанному, он похвалил Доменико за аккуратность и расписался.

– Возьми! – не притрагиваясь к приговору, потребовал он. – Отдашь кардиналу Беллармино.

Тополино кивнул. Но не уходил. Вазари собирался было что-то сказать ему, но, видимо, раздумал.

– Все! – наконец, проговорил он. – Ступай с Богом, сын мой.

Доменико поспешил в судейскую. Входить не стал. Раздвинув портьеру, он крикнул:

– Паскуале! Пора!

Кардинал принял их тотчас же. Он долго, не поднимая головы, молчал. Беллармино целиком был поглощен чтением. Его пальцы нервно теребили розовую ленту, которой были повязаны труды Ноланца. Дочитав, кардинал по-сонному, медленно, положил скомканную им ленту на лежавшие перед ним листы.

– Да-а-а, – многозначительно протянул он и лишь после этого поднял на переминавшихся у его стола людей отсутствующий взгляд.

Глаза его были не здесь. Их куда-то в глухую глубину унесли непрошенные мысли.

– Принес?! – как невпопад спросил кардинал.

Тополино сообразил: вопрос к нему.

– Да, Ваше высокопреосвященство! – доложил нотариус.

– Вазари подписал?

Нотариус кивнул и, сделав несколько шагов вперед, положил перед ним лист с текстом приговора. Посмотрев на росчерк, Беллармино загадочно ухмыльнулся и не без потаенного умысла произнес:

– По поручению Его Святейшества я его утверждаю...

Его высокопреосвященство потянулся за пером. Затем размашисто, сверху, наискосок, уверенно написал:

*„Утверждаю! Его высокопреосвященство, кардинал Роберто
Беллармино.“*

И в этот момент звонарь церкви Санта Мария-Сопра-Минерва шесть раз бухнул по колоколу.

– Шесть часов вечера, 16 февраля 1600 года от Рождества Христова, – сказал кардинал и то же самое дописал под своей подписью.

Отложив роковой вердикт в сторону, Беллармино стал собирать в стопку, разбросанные по столу страницы рукописи обреченного еретика.

– Помочь, Ваше Высокопреосвященство? – вызвался нотариус.

– Нет! – коротко бросил кардинал.

А ему, Доменико, так хотелось взять их в руки. И хотя бы мельком посмотреть в них. Нет, теперь он их никогда не увидит. И те слова Ноланца – „У тебя, парень, будут мои бумаги“ – ему, скорее всего, померещились. Он, наверное бы, так и считал не будь весьма красноречивых в своем молчании намеков обвиняемого. Даже сегодня, в последний день суда, Ноланец, дважды посмотрев на Тополино, переводил глаза на свои записи. Он явно показывал на них. А они лежали под ладонью кардинала... Теперь эти бумаги Беллармино – перед носом нотариуса – опять обвязывает лентой. Причем туго, изо всех сил. Как будто стягивает узлом горло врага.

– Паскуале! – зовет он. – Подойди!.. Возьми это... В них, в этих бумагах, жуткая ересь. Завтра ты лично бросишь их к безбожнику в костер...

– Есть, Ваше Высокопреосвященство!

Строго буравя канцелярщика, кардинал добавил:

– Я тебе доверяю, Паскуале. Ты преданный и честный христианин. Я это ценю... Поэтому требую, чтобы ни один листик отсюда не пропал. Ни одна живая душа к ним не должна прикоснуться.

– Есть Ваше Высокопреосвященство! – выпучив глаза, прохрипел растроганный канцелярщик.

– Последним их читателем должен стать огонь... На, возьми!

Паскуале перекрестился...

Теперь попробуй заведи их у горбуна? Умрет – не отдаст. Нет, завладеть ими сегодня не удастся. А завтра будет поздно... И все-таки одна, но слабая надежда оставалась. Во время

казни. Прямо из огня. Без помощника тут, однако, не обойтись. И такой помощник есть. Лишь бы он согласился.

„Если, – думал Тополино, – мне ничего не показалось и в „сучьей комнате“ я слышал то, что слышал – значит Джузеппе откликнется. Надо говорить с ним“.

Тополино оббегал всю тюрьму. Облазил всё здание суда. Все было напрасно. Дознавателя он так и не нашел. Джузеппе провалился словно сквозь землю. Правда, один из стражников, охранявших осужденных на смерть, сказал, что Джузеппе, сопроводив Ноланца в камеру, ушел пить. За дознавателем водилась слабость к возлияниям. И обильным. Пьяным, правда, никто и никогда его не видел. Зато все знали – что он пьет, сколько и где?

– Если он тебе так нужен, беги в таверну „Морская качка“, – посоветовал стражник. – Он там загружает свой трюм.

Тополино бросился к выходу. У самых ворот его остановили. Срочно требовал к себе епископ Вазари. Пришлось возвращаться.

8.

– За стол! – завидев нотарию, властно крикнул прокуратор. – Его Святейшеству сию минуту из сегодняшнего допроса следует выписать несколько ответов Ноланца.

Тополино вмиг понял в чем дело. Понтифику потребовались ответы осужденного на вопросы, поставленные им. Естественно, задавали вопросы судьи, а предлагал их сам папа. Такое в практике нотарию случалось много раз.

– Готов? – спросил Вазари и, посмотрев на него, добавил:

– Отлично! Пиши! Я буду диктовать.

„Был спрошен:

Преподавал ли, признавал и обсуждал ли публично или частным образом в своих чтениях положения, противоречащие и враждебные католической вере и установлениям Римской церкви?

Ответил:

В целом мои взгляды следующие. Существует бесконечная Вселенная, созданная бесконечным божественным могуществом.

Я провозглашаю существование бесчисленных отдельных миров, подобных миру этой Земли. Вместе с Пифагором я считаю ее светилом, подобным луне, другим планетам, другим звездам, число которых бесконечно. Все эти небесные тела составляют бесчисленные миры. Они образуют бесконечную Вселенную в бесконечном пространстве, в котором находятся бесчисленные миры... Отсюда косвенным образом вытекает отрицание истины, основанной на вере.

Итак, косвенно я выступал против установлений святой Римской церкви, но я не учил тому, что противоречит божественности миров и земной жизни...

Был спрошен:

Высказывал ли взгляд, что апостолы обращали народы проповедью и примерами к доброй жизни, а теперь, говорят, что против тех, кто не желает быть католиком, надо проявлять жестокость, и применяют к ним не любовь, а насилие?

Ответил:

*Правильно следующее. Насколько припоминаю, я говорил, что апостолы сделали гораздо больше своей проповедью, добрыми делами, чем можно сделать насильем, как поступают в настоящее время. Я не отвергал разного рода **лекарственных средств**, применяемых святой католической церковью против еретиков и дурных христиан. В своей книге, в частности, я говорил, что этим методом необходимо искоренять тех, кто под предлогом реформы отка-*

зывается от добрых дел... Однако повторю: апостолы гораздо больше сделали своими проповедями, доброй жизнью, примерами и чудесами, чем можно достигнуть в настоящее время посредством насилий над теми, кто не желает быть католиком...

Был спрошен:

Говорил ли когда обвиняемый, будто чудеса, творящиеся Иисусом Христом и апостолами были мнимыми?

Ответил:

В этой Вселенной я мыслю существование вселенского провидения, волей которого каждая вещь растет и движется в соответствии с ее природой. И, как я понимаю, для этого есть два способа: один из них – когда в теле присутствует душа, во всем теле и в каждой его части; другой – неизъяснимый, когда сам Бог присутствует во всем, но не как душа, а таким путем, который трудно постигнуть. Для нас, землян, в постижении природы своей и в понимании самих себя и таится неисчерпаемый кладезь всевозможных чудес...“

– Закончил? – спросил прокуратор.

– Да.

Внимательно просмотрев написанное, епископ после некоторого раздумья, произносит:

– Можешь быть свободным.

Тополино сдуло с места, как пыль. Он бежал в таверну „Морская качка“, а сам то и дело возвращался к тому, что сейчас ляжет на стол Его Святейшества папы Климента VIII.

Ноланец был всегда осторожен в ответах. Каждую фразу произносил с замедленностью опоенного дурманом человека. Явно, обдумывал. А вот сегодня едва не проговорился. Правда заметили это только он, Доменико, кардинал Беллармино и дознаватель Кордини. Джузеппе аж вздрогнул. Но все обошлось.

Это случилось, когда один из судей спросил действительно ли он считает чудеса Христа мнимыми? На что Ноланец сказал:

– В этой вселенной я мыслю существование вселенского Часо...

Еще бы чуть-чуть и у него вырвалось бы слово „часовщик“. Но во время спохватившись, он тут же нашелся:

– Вселенского провидения, – заключил обвиняемый.

Кто он, тот загадочный Часовщик? В записях, предположил нотариус, о нем, наверняка, что-то есть. Ведь кардинал тоже среагировал на оговорку Ноланца. У него глаза полезли под брови. И он еще нервней забарабанил по бумагам, обвязанным розовой лентой...

... Резкий порыв ветра с доброй жменей снега наотмашь ударил по глазам. На какое-то мгновение нотариус ослеп. А когда протер глаза, Доменико увидел, что стоит перед самой вывеской „Морская качка“.

... Кордини сидел в дальнем темном углу. Один. Перед ним стояло полдюжины опорожненных бутылок. Он тупо смотрел в налитый до краев бокал и, кажется, что-то нашептывал. Доменико решительно (куда только подевалась робость перед этим страшным человеком?) сел напротив.

– А, это ты, парень? – нисколько не удивившись его появлению, не то спросил, не то принял как само собой разумеющееся, Джузеппе.

Взгляд его был трезв. Голос тверд. Язык не заплетался.

– Я совсем не пьян, парень... А встать не могу. Не пойму, что за пойло? Ноги отказали... Не можешь подняться?

По февральскому мглистому Риму шел, опираясь на мышшь, Человек-гора. Будь то днем, люди надорвали бы животики. Тополино обливало потом, задыхался. Каждая косточка была в невероятном напряге. Вот-вот какая-нибудь треснет. Джузеппе понимал, каких трудов этому хлипкому юноше стоит волочь его. И он из всех сил старался помочь ему. Ноги же слушаться

отказывались. Дознаватель кряхтел, скрипел зубами и то и дело сокрушенно причитал: „Ах, Джорди, Джорди...“

Пробирающий до кишок ветер и лютые компрессы мокрого снега наконец возымели своё действие. Конечности понемногу отходили.

– Ну вот, парень, мне полегчало... Теперь я могу сам, – сказал он.

– Меня зовут Доменико, – напомнил нотариус.

– Знаю. Это ты был в лекарской. Мне „сукин сын“ сказал... Ведь ты брал ключ у него.

Тополино отнекиваться не стал. Глупо было бы. Не затем он шел к нему в таверну... Почувствовав подходящий момент, Доменико коротко изложил суть дела. Джузеппе оказался на редкость понятливым. Не дав договорить, он сказал:

– Хорошо, я помогу. А пока ариведерчи... Я пришел. Ты тоже ступай домой.

Сказал и, грузно развернувшись, зашагал к такому же громадному и мрачному дому, как он сам. Ошарашенный столь неожиданным финалом разговора, Тополино, растерянно хлопая глазами, смотрел ему вслед. Доменико хотелось грубо, так, чтобы эта человекоподобная гора застыла, как истукан, заорать: „Ты, мясник чортов“, стой!.. Как?!.. Как поможешь?!...» И, словно услышав его, Джузеппе остановился. Полуобернувшись, он поманил нотариуса к себе. Доменико обрадовано подбежал и... повис в воздухе. Ухватив за грудки, дознаватель поднял его на уровень глаз и четко процедил:

– Завтра у костра горбуна из виду не упускай. Не отходи от него ни на шаг...

– Я что-нибудь придумаю... Попробуй, зевни.

Пальцы его разжались, и Тополино плюхнулся задом в лужу. Джузеппе усмехнулся, махнул рукой, и, как ни в чем не бывало, продолжил путь.

9.

Аббат Карл Бильдунг из монашеского ордена Святого Бенедикта, по кличке «Жгучий брюнет», явился на тюремный двор прежде, чем проснулись петухи. В четвертом часу пополудни. Он носился по нему, как взбесившаяся собака. Злой. Не выспавшийся. А главное – не протрезвевший.

Вспокоенные кондотьеры разбегались от него, что куры в птичнике, до которых дорвался перегрызший цепь дворовый пес. Сталкиваясь между собой они с площадной бранью накидывались друг на друга, обвиняя один другого непонятно в чем. Дошлые пытались спрятаться в укромных местечках, где было темно и не холодно. Но не тут-то было. Огненно-рыжая копна волос Бильдунга пылала на ветру как косматый факел. Все, стерва, высвечивала. А два постных пятна, зыркающих по сторонам, могли видеть даже в такой крошечной тьме. Оттуда, из спасительных щелей, куда забивались ушленькие, аббат гнал их пинками да тумачами...

Кличку, столь не вяжущуюся с внешностью и вызывающую смех, дал аббату сам Его Святейшество. А случилось это так.

Сразу после восшествия на святой престол Климент восьмой, рекомендуя Бильдунга прокуратору Святой инквизиции, сказал, что этот жгучий брюнет лучший в христианском мире церемониймейстер по устройству публичных казней воинствующих безбожников. Он-де и педантичен, и изобретателен, и исполнительен...

– Каждый костер для нашего, любящего зрелищ, пополо он сделает праздником, – заключил понтифик тоном, предупреждающим какие-либо возражения прокуратора.

Увидев впервые Бильдунга, прокуратор от удивления потерял-таки дар речи. Едва сдерживая всклокотавший глубоко в горле смех, он выдавил:

– Это вы?.. Вы аббат Карл Бильдунг?..

И не выдержал. Ударив себя по ляжке, громко расхохотался. Бенедиктинец, как не странно, не обиделся. Он все понял.

– Вы, синьор, представляли меня мавром? – расплывшись добродушной улыбкой, кротко спросил он.

Не в силах произнести ни слова, прокуратор закивал.

– Это шутка Его Святейшества. Он за глаза называет меня «Жгучим брюнетом», а когда я появляюсь..., реакция у всех такая, как у вас.

Не прошло и трех месяцев, как кличка аббата стала звучать отнюдь не смешно. Он жег людей и устраивал по этому поводу грандиозные шабашы. И пополо, веселясь и беснуясь в экстазе проклинал заживо горящих в нем еретиков. И если в их обезумевшем сознании зарождалась жалость, то связана она была с быстротечностью происходящего действия... Пополо ждал с нетерпением следующего костра. Звона церковных колоколов, возвещавших римлянам об очередном поражении дьявола, забравшегося в тело выроodka... По улицам города ходили хоры священников, самозабвенно поющих жизнерадостные молитвы. А за хорами тащились повозки с бочками вина, доставленными сюда из самых разных италийских монастырей. Горластые монахи наперебой расхваливали свое вино. Одни до хрипоты орали, что оно у них самое крепкое. Другие кичились букетом напитка. Третьи, надрывая горло, доказывали, что глоток их вина уберезит тело христианина от бесовского вторжения, ибо оно приготовлено по секретнейшему рецепту, выработанному Святой Инквизицией... А все вместе они, по строжайшему приказу Жгучего брюнета, никому в питье не отказывали. «Пей!.. Пробуй!.. Сравни!..» – зазывали они и, подмигивая, щедро наполняли протягиваемые им кружки дешевым, но забористым хмелем.

И распевая скабрзные песни, пьяный пополо валил на Кампо ди Фьоре, где уже наготове стояла пирамида из хорошо просушенных досок, внутри которой возвышался из таких же досок постамент для «ехидны в образе человеческого». Сновавшие в толпе монахи зорко следили за буйствующими и, подбирая среди них наиболее крикливых и наглых, сбивали их в группы, а затем вели к воротам тюрьмы. Там, на всем пути до Площади цветов, вдруг оказывались овощные лавки с гнилыми овощами, фруктами, яйцами. Это тоже было делом рук Жгучего брюнета...

Ближе ко времени казни в храмах начинались торжественные богослужения, предававшие анафеме бесовское семя. Начинались они с божественной литургии в храме Святого Петра, когда с протяжным скрипом открывались тюремные ворота и вслед выступившим оттуда монахам, облаченным с ног до головы в черное и держащим перед собой кресты, выезжала повозка. В ней, трясясь всем телом, в стальной клетке покачивался бледный призрак безбожника.

Поднимался рев. Вопил опоенный Ватиканом Рим. В узких прорезях монашеских капюшонов метался первобытный страх. Дикое скопище могло раздавить, растоптать, разметать... Но и здесь у Жгучего брюнета было все схвачено. Монахи, за ночь поставившие здесь на каждом шагу лавки с гнильем, умело орудуя, оттесняли наиболее взъярившихся людей...

Под этот рев, который докатывался до Кампо ди Фьоре и приводил в жуткое оцепенение собравшихся, на специальное каменное возвышение с чинным спокойствием выходил весь состав Святой инквизиции. Именно в тот самый момент. Не раньше и не позже... Так положено было по сценарию Жгучего брюнета. Поговаривали, что одеяния, в коих выходили к пополо инквизиторы, предлагал и рисовал портным все тот же Жгучий брюнет.

В представлении, которое ставил аббат, он продумывал каждую мелочь. И становился невменяемым от гнева, если что могло как-то испортить его спектакль... Как сейчас, когда Бильдунг носился по двору косматым факелом, раздавая направо и налево затрещины.

10.

Джузеппе, наблюдая за ним со стороны, едва сдерживал улыбку.

– Что случилось, Карл?! – наконец выкрикнул он.

– А, Кордини, – обрадованно кинулся к нему аббат. – Хорошо, что ты здесь. Помоги!.. Посмотри на повозку, На ней везти Ноланца, а она без двух колес... Вчера еще стояла цельная. Сам проверял... Воры поганые!

– Бестии! – пробухтел дознаватель. – Не беда, Карл. Сейчас я их заставлю...

– Сделай милость. Возьми на себя... Мне надо на площадь... Потом посмотреть, готово ли вино, лавки...

Закончить, однако, аббат не успел. Он снова взвился, словно кто шилом ткнул ему в зад.

– Рогоносцы!.. Недоноски!.. Бочка с маслом... Она до сих пор здесь. Ну вот видишь, Джузеппе, – жаловался Бильдунг. – Ее еще вчера должны были перебросить на площадь, к штабелям... Какой олух забыл?!..Разорву! Пущу по миру!..

Кордини покачал головой. Он хорошо понимал разгневанного церемониймейстера. Не облей доски тем маслом костер может не заняться. Потлеет, а при такой ледяной измороси с ветром возьмет и погаснет. Позор выйдет. Люди начнут судачить, мол, небеса были против приговора Святой инквизиции.

– Иди, Карл. Я позабочусь обо всем, – успокоил он церемониймейстера.

– Вот спасибо! Вот выручил...

Бильдунг развернулся, чтобы удалиться, но невнятное бормотание дознавателя остановило его.

– Что?! Что ты сказал, Джузеппе?

– Да странные, говорю, вещи творятся. Колеса, масло... – и взяв под руку аббата, Кордини зашептал:

– Вчера в таверне люди болтали, что кто-то из наших хочет облегчить смерть Ноланцу... Может, кто выстрелит со стороны. С крыши, например... Может, проломит камнем череп, а может, что другое...

– Да ну! – вскинулся Бильдунг. – Ты уж смотри в оба, Джузеппе.

Кордини начал свою игру. Он хорошо знал дотошного аббата. И постарался подкинуть ему такое, что тот до конца представления будет как чесоточный ерзать. Подозрения загрызут бедолагу. Сейчас наверняка он подумывает об усилении охраны по пути следования кортежа от тюрьмы до Кампо ди Фьоре. Расшибется, но сотню монахов пригонит... В общем, загрузит себя работой. Джузеппе это знал и именно этого добивался...

Озадаченно почесывая гриву, Бильдунг вышел со двора. Спустя пару минут вернулся.

– Джузеппе, – позвал он, – ты когда станешь надевать Ноланцу намордник?

– Дождусь тебя.

– Вот хорошо. Дождись! – сказал и вприпрыжку выбежал вон.

Подозвав капрала, Джузеппе, тяжело глядя ему в глаза, вполголоса распорядился:

– Колеса достать хоть из-под земли. Думаю, часа хватит поставить телегу на ход...

– Хватит, синьор! – гаркнул капрал, ринувшись выполнять отданный без рукоусуйства приказ.

– Стой, капрал! – не повышая голоса, остановил его Кордини. – Ты смотри у меня. Не справишься – будешь иметь дело со мной... И еще вот что. Бочонок с горючим маслом подкадите вон к той стене... Все понял?!.. Командуй!

Оставив кондотьеров, Джузеппе направился к сторожевому помещению где положил, принесенную им из дома сумку. Она сейчас ему понадобится. В нее украдкой от жены он запихал две непечатые банки с темно коричневой, густой жидкостью. Супруга частенько покупала ее у аптекаря, посоветовавшего мазать этой тягучей массой ноющие ревматизмом суставы хозяина. На удивление Джузеппе странное снадобье помогло ему. Называлось оно нафитью. Его привозили издалека. И стоило оно кучу денег. Имело оно и другое любопытное свойство...

Однажды, он по ошибке вместо горючего масла дал соседу нафити, чтобы разжечь печку. А тот не посмотрев все содержимое выплеснул на дрова. Поленья вспыхнули мгновенно, зато поднялся такой чад, такой повалил дым, что всем показалось: начался пожар. Злополучная нафить закоптила весь дом.

Джузеппе вспомнил о той истории, когда пообещал нотарию что-нибудь придумать и помочь. Нафить, сообразил он, напустит столько дыма, что Доменико воспользуется этим.

Отомкнув затычку, Джузеппе выплеснул из бочонка немного чистого горючего масла, а вместо него влил всю имеющуюся у него нафить.

Час спустя, улыбаясь до ушей, капрал докладывал:

– С телегой все в порядке. Как новенькая.

Осмотрев ее, Джузеппе заставил кондотьеров прокатиться на ней. И остался доволен работой.

Светало. Шел седьмой час утра. Бильдунг все не появлялся. «Теперь забот у него по горло», – подумал дознаватель.

Тюремный двор заполняли все новые и новые люди, назначенные в сопровождение повозки с приговоренным. Среди них расхаживал и Паскуале. И тут Джузеппе осенило.

Как вовремя ты пришел, – подозвав его к себе с неподдельной радостью воскликнул Кордини. – Аббат приказал этот бочонок поручить доверенному человеку. Его надо доставить на площадь.

– Всегда к вашим услугам, синьор Кордини, – польщенный дружеским расположением грозного дознавателя, откликнулся он.

– Прекрасно! Бери кого хочешь и действуй!

Бильдунга все не было да не было. На это, в сущности, Джузеппе и рассчитывал. Положив руку на плечо капрала и крепко сдавив его, дознаватель тихо и жестко сказал:

– Когда придет Жгучий брюнет, скажешь: я только-только пошел к Ноланцу. Когда бы ни пришел – только-только. Понял?!

– Понял, синьор.

Одобрительно кивнув, Джузеппе направился в камеру смертника. Ему позарез нужны были несколько минут побыть наедине с Джорди. Переброситься парой фраз, кое-что передать, попрощаться. При Бильдунге это, разумеется, не удастся. Он до последнего не спустит глаз ни с него, ни с Ноланца. Не отлучится даже по нужде.

Сложность заключалась в другом. В день казни в камеру обреченного могли войти судья, прокуратор и Бильдунг. Караул эту инструкцию выполнял четко. Но, как правило, к осужденным на смерть Кордини проходил вместе с ними. Так что караул воспринимал дознавателя как исключение из правил. А мог и не воспринять. Чем черт не шутит.

Джузеппе решил подстраховаться. Открыв дверь, ведущую в подземелье, он остановился и, глядя в сторону, где только что стоял с капралом и где никого сейчас не было, Джузеппе гаркнул:

– Передай Жгучему брюнету, что я пошел примерять Ноланцу намордник...

Караульные, конечно же, слышали эхом отозвавшиеся в каземате слова дознавателя. Никому и в голову не пришло остановить его.

Бруно, увидев брата, встал.

– Наконец-таки, Джузи! Я так ждал тебя.

– У нас мало времени, Джорди, – предупредил дознаватель.

– Эх, сейчас бы мне перо да бумагу, – мечтательно протянул Бруно.

– Чудак! Тебе сейчас бы крылья. А лучше стать невидимкой.

– Через час с небольшим, братишка, – горько усмехнувшись говорит Бруно, – я получу и то, и другое.

Джузеппе обнял брата и, преодолевая горловой спазм, зашептал:

– Джорди, тебе прощальные поцелуи... От мамы, Антонии, от меня...

Джордано тоже, обхватив его, тихо проговорил:

– Спасибо за все, что ты мне сделал. И прощай... Тетушке Альфонсине и Антонии передай, что я их любил и люблю больше жизни... Поверь, братишка, я ни в чем не виноват.

– Даже если бы ты был виноват тысячу раз, я все равно на твоей стороне... Но я ничего не могу поделать... Не могу спасти... Прости...

– Ты – рядом, и это главное.

– Слушай, Джорди. Слушай внимательно... Антония передала флакончик с каким-то средством... Его ничего не стоит раздавить. Сразу лишишься чувств... Сделаешь это на костре... Сейчас придет Жгучий брюнет. При нем я буду зажимать тебе язык. Когда надавлю на плечо начинай мычать, тарашить глаза и рваться из пут... Тогда я его зажму несильно. Под язык положу «подарок» Антонии. Уже по пути язык выскользнет из-под замка. Когда подождут раздави флакон... Запомни: когда подождут...

– Раньше не стану, а позже буду вынужден, – отшутился он.

– Кажется, идет, – прислушиваясь к звукам в коридоре, прошептал Кордини.

Поспешно чмокнув брата в щеку, Бруно сел на стул, к которому, вместо спинки, приделали в форме креста две доски: к вертикальной ремнями и зажимами прикреплялась голова, а к поперечной – привязывались руки.

– Кордини! – вбежав в камеру, позвал Бильдунг. – На минутку выйди. Ты мне нужен.

Прикрыв за собой плотно дверь, он спросил:

– Ничего подозрительного не заметил?

– Нет, Карл. А ты?

– Люди ведут себя не совсем обычно. Все прут сюда, к тюрьме.

– Кто-то подстрекает, – подлил масла в огонек Джузеппе.

– Подзуживают... Подзуживают... Хотят под шумок, – соглашается аббат. – Но я пригнал еще триста монахов. Расставил их в самых уязвимых местах. На улицах и крышах... Пусть попробуют...

Потом Бильдунг засуетился.

– Прокуратор с судьей, – глядя за спину дознавателя, вполголоса сообщил он и тихо добавил:

– О наших подозрениях – ни слова.

– Бильдунг! – крикнул Вазари. – Надо поторапливаться. Через полчаса в храме Святого Петра начнется божественная литургия.

– Знаю, Ваше преосвященство. У нас все готово, – отзывается Жгучий брюнет, распахивая перед ними дверь в свинцовую камеру.

11.

Беллармино кивнул. Жгучий брюнет махнул рукой. Рим ударил в колокола. Промерзшие на Кампо ди Фьоре хористы запели ликующую молитву. И с четырех сторон четыре монаха-доминиканца с зажженными факелами прошествовали к пирамиде сложенных дров, внутри которой стоял привязанный к столбу Джордано Бруно.

Джордано был спокоен. Не дергался. Не плакал. И глаза его не бегали в страхе. Они неотрывно смотрели на нотарию, словно просили: «Не подведи, мальчик».

Тополино это видел. Но он действовал строго по совету Джузеппе. Он ни на шаг не отставал от Паскуале. Куда тот – туда и он.

– Что это Ноланец уставился на горбуна? – с тревогой в голосе спросил Бильдунг дознавателя.

Джузеппе пожал плечами.

– Да еще что-то суетится, – продолжая наблюдать за канцелярщиком, беспокоится Жгучий брюнет. – И под одеждой что-то прячет. Мне это не нравится, Джузеппе.

И тут вспыхнула дровяная пирамида. Вспыхнула сразу вся. И повалил черный дым. И ветер, подхватив едва видимое, но сильное пламя и вместе с чадом завертел и закружил по всей площади. Пополо и стоя-щие в солидных позах инквизиторы невольно отшатнулись.

– Что такое? – растерянно пробормотал Бильдунг. – Почему гарь и дым?

– Бочонок с горючим вез сюда горбун, – как бы невзначай обронил Джузеппе.

– Что?.. Значит это он! – уверенно прошипел Жгучий брюнет.

– Успокойся, Карл. Я пойду к нему. Если что – пришибу.

Бильдунг кивнул.

Копоть прямо-таки выедала глаза. Но Тополино упрямо и настырно шел за горбуном. Он видел появившегося неподалеку Джузеппе. Дознаватель на него не смотрел, хотя остановился в трех шагах и не видеть нотарию не мог.

Паскуале, очевидно, уже не в силах был терпеть едучего дыма и не стал дожидаться, когда подадут команду бросать в огонь книги Ноланца. Выхватив из-за пазухи знакомую Доменико кипу бумаг, перехваченных розовой лентой, он зашвырнул ее в костер. И в этот самый момент Джузеппе свалил горбуна с ног, а появив-шиеся неведомо откуда монахи тоже набросились на заверещавшего канцелярщика.

Тополино кинул взгляд на брошенные в огонь бумаги. Растрепанные, они вспыхнули, как порох. И нотарию было уже наплевать на все и вся. Закрывая ладо-нью лицо, он ринулся в костер и выхватил занявшиеся огнем таинственные записи Ноланца. Обжигаясь, он голыми руками тушил их у себя на груди...

Мимо волокли побитого Паскуале.

– Уходи! – прошипел ему в ухо Кордини.

Тополино кивнул. Окинув в последний раз объятую пламенем и черной гарью пирамиду, он вдруг поймал на себе улыбающиеся глаза Джордано Бруно. Они так и остались в нем. На всю жизнь...

Потом они остекленели. И их жадно лизнул язык рыжего пламени. Но нотарию этого уже не видел.

Прижав к груди руки, он бежал по улицам города одновременно и плача – от ожогов, и смеясь – удаче. Удаче, цена которой была жизнь. Потом он остановился. Кругом – ни души. Тополино с облегчением перевел дух. Глубоко вздохнул и... от гадливости сморщился.

Рим пах вином, ладаном и паленой человеческой плотью...

Главка вторая

Часовщик

1.

Хлопок тот был, что пушечный выстрел. Джорди подкинуло и копчиком стукнуло обо что-то железное. Он вскрикнул и... проснулся. А проснулся ли? Он ведь не засыпал. Сидел себе на горе тюков и во все глаза смотрел на нервно дергающееся море...

Стоявший у штурвала с косматой рожей пирата шкипер, глядя на него, презрительно хмыкнул и, словно матюгаясь, продолжал отдавать приказы ползавшим на мачтах матросам.

Никакой пушки на шхуне конечно не было. Бабахнуло полотнищем паруса, в который влетел шальной шквал. И никто его спящего с места не подбрасывал. Он сам с испуга подскочил и, соскользнув с высокой поклажи, копчиком угодил в шляпку вбитого в палубу шпигаря. Острая боль, молнией ударившая по мозгам, стрельнула из глаз снопом ослепительно горячих искр. И он очнулся. Как от пощечины, что возвращает сознание, впавшему в полуобморочное состояние человеку... И вспыхнуло все светом будто кто вокруг и в нем запалил сразу тысячу свечей...

До этого грома небесного дни его пролетали, как в вечерних сумерках летучие мыши. Беззвучно, без красок, в вязкой мути и так быстро, что он не мог ни на чем сосредоточиться и не успевал ничего осмыслить. Его словно кто посадил в бешено вращающееся колесо кареты, которую, как пушинку, влек за собой бесчисленный табун оголтелых скакунов. Остановить и придержать их – было выше его сил.

Впрочем, ему этого и не хотелось. Даже не возникало такого желания. Жизнь шла сама по себе, а он сам по себе. И если в поведении Джорди имелась какая-то целесообразность реакций, то она проистекала не от его рассудка, а от некоей сторонней разумности, бесцеремонно управляющей им. И наверное, только поэтому Джорди делал все правильно. Как нужно. По-человечески. Не будь этого невидимого кукольника, который властно и мощно двигал его руками, ногами и языком, он на каждом шагу попадал бы впросак. Или сморозил бы что-нибудь, или попал бы под какой-либо экипаж, или, спустив штаны, прилюдно, на площади, взял бы да помочился или еще того хуже. Но этого, слава Богу, с ним не происходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.